

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В. Д. Назаров, В. Т. Пашуто, академик Л. В. Черепнин

Изучение важнейших проблем русского средневековья основывается на все большем творческом освоении идейного наследия основоположников марксизма-ленинизма. Важное место среди трудов последних лет заняли коллективные работы, посвященные ленинской концепции истории России. При этом особое внимание было обращено на методологию и методику исторических изысканий В. И. Ленина, на приемы сравнительно-исторического анализа и вопросы типологии¹. Постоянное обращение историков к неисчерпаемому богатству ленинских мыслей позволило углубить теоретические представления о русском историческом процессе, выявить наиболее актуальные и перспективные направления научного поиска, найти необходимые для их решения приемы изучения.

Литература по проблематике отечественного феодализма, изданная между XXIV и XXV съездами КПСС, весьма многочисленна, тематически охватывает все стороны жизни русского общества. В данной по необходимости обзорной статье рассмотрены лишь исследования по узловым вопросам социально-экономического развития и политической истории феодальной Руси, тем более, что уже имеются подробные историографические обзоры².

Прежде всего следует упомянуть о выходе в последнее пятилетие ряда сборников статей по общим проблемам истории феодальной формации в широком хронологическом диапазоне³.

¹ «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М. 1970; «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М. 1970; «В. И. Ленин и историческая наука». Л. 1970; «В. И. Ленин и проблемы истории». Л. 1970; «В. И. Ленин и некоторые вопросы истории». Томск. 1970; «В. И. Ленин о некоторых проблемах истории». Саратов. 1970; «История и историки. Историческая концепция В. И. Ленина. Методология. Лаборатория. Историографический ежегодник 1970 г.». М. 1972; см. также Л. В. Черепнин. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России. «Коммунист», 1975, № 1.

² В. П. Загоровский, Н. И. Никитин. Обзор литературы по истории СССР эпохи феодализма за 1969—1970 гг. «История СССР», 1971, № 2; М. Д. Курмачева, В. Д. Назаров. Советская литература 1971—1972 годов по истории России до XIX века. «История СССР», 1974, №№ 1—2; «Развитие советской исторической науки. 1970—1974». М. 1975 (статьи М. Д. Курмачевой и В. Д. Назарова, С. О. Шмидта).

³ «Проблемы истории феодальной России». Л. 1971; «Славяне и Россия». М. 1972; «Культура средневековой Руси». Л. 1974; «Из истории экономической и общественной жизни России». М. 1975; «Проблемы истории общественной мысли и историографии». М. 1975; «Историческая география России. XII — начало XX в.». М. 1975; «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе». М. 1972; «Общество и государство фео-

I

За истекшее пятилетие советские ученые существенно обогатили представления об истории раннефеодальной России. Медиевисты в традициях школы Б. Д. Грекова расширяли круг археологических, этнографических, эпиграфических, письменных источников, совершенствовали методику их исследования и в результате узнали о Древней Руси немало нового.

Вослед труду А. Н. Насонова⁴ шло тщательное изучение сложного процесса формирования государственной территории Древней Руси и возникших на ее основе феодально развитых земель-княжений⁵. К сожалению, демографическая сторона проблемы остается пока в тени⁶. Исследование социально-экономических отношений все больше свидетельствует о многоукладности Древней Руси с ее разнообразием уровней земледелия (пашня, подсека, перелог), общины и форм собственности (общинная, государственная, княжеская, боярская, церковная, городская) при наличии огромных свободных земельных фондов в неславянском поясе. Все более выясняется при этом ведущая роль феодального уклада, а также стадийно соответствующий ему уровень общины и парной семьи⁷.

Археология продолжает добывать разнообразный материал о решающих сдвигах в производстве и общественном строе восточных славян второй половины I тыс. нашей эры. Эти сдвиги подтверждаются свидетельствами письменных памятников и сравнительно-историческими данными в трудах наших зарубежных коллег (Б. Видеры, Х. Ловмянского, Л. Гавлика, М. Кучеры, П. Раткоша и др.) по истории соседних народов.

Более глубокому пониманию экономического развития страны раннефеодальной поры — ее сельского хозяйства, ремесла, торговли — содействовал двухтомный труд по истории культуры Руси XIII—XV веков⁸. Высокий уровень этой культуры подтверждает существование давней культурно-исторической традиции. Об этом напоминает и публикация очередного тома научного наследия акад. М. Н. Тихомирова⁹.

Продвигается и изучение древнерусского города. Конкретно-археологическое исследование городов как социально-экономических цент-

дальной России». М. 1975 (сборники посвящены В. В. Мавродину, С. А. Никитину, М. К. Каргеру, Н. М. Дружинину, М. В. Нечкиной, Л. Г. Бескровному, Л. В. Черепнину в связи с их юбилеями); «Историческая география. Вопросы географии». Сборник № 83. М. 1970; «Исследования по социально-политической истории России». Л. 1971; «Проблемы истории международных отношений». Л. 1972; «Русское население Приморья и Сибири». М. 1973; «Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.». М. 1975 (сборники посвящены памяти В. К. Яцунского, Б. А. Романова, Е. В. Гарле, В. И. Шункова, А. А. Новосельского).

⁴ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951.

⁵ Киевской (П. П. Толочко), Черниговской (А. К. Зайцев), Переяславской (М. П. Кучера), Новгородской (А. В. Куза), Полоцкой (Л. В. Алексеев), Смоленской (В. В. Седов); Половецкой земле посвящена статья С. А. Плетневой (см. «Древнерусские княжества X—XIII вв.». М. 1975), а также: В. А. Кучкин. Ростово-Суздальская земля в X—первой трети XIII в. Центры и границы. «История СССР», 1969, № 2; А. К. Зайцев. До питання про формування територій давньоруських князівств у XII ст. «Український історичний журнал», 1974, № 5.

⁶ См. В. Б. Вилинбахов. Некоторые демографические проблемы в истории Руси. «Studia historiae oeconomicae». V. 6. Poznań. 1972.

⁷ Я. Н. Щапов. О социально-экономических укладах в Древней Руси XI—первой половины XII в. «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма»; его же. О функциях общины в Древней Руси. «Общество и государство феодальной России».

⁸ «Очерки русской культуры XIII—XV вв.». Чч. 1—2. М. 1970; М. Г. Рабинovich. Русское жилище в XIII—XVII вв. «Древнее жилище народов Восточной Европы». М. 1975.

⁹ М. Н. Тихомиров. Древняя Русь. М. 1975.

ров светской и церковной власти, управления, обороны идет широким фронтом. Тому пример — сборник историко-археологических статей, посвященный М. К. Каргеру. П. А. Раппопорт, В. В. Косточкин, А. Н. Кирпичников раскрыли богатство и своеобразие военно-политической роли городов, организации военного дела и развития дружин¹⁰. После их работ становятся понятнее и признаки экономического подъема Древней Руси, и некоторые особенности ее феодализации, и причины военной слабости в период феодальной раздробленности перед лицом нашествия монголо-татар. На очереди дня типология городов — свободных (управляемых князьями по «ряду» — договору) вроде Киева, Новгорода, Галича, Полоцка и т. п., и частновладельческих — княжеских, боярских, церковных; городов столичных и пограничных.

Все новые изыскания нумизматов В. П. Потина, В. В. Кропоткина, Н. А. Соболевой, археологов — В. П. Даркевича, М. В. Фехнер, Ю. Л. Шаповой и других весьма убедительно характеризуют размах международной торговли Руси¹¹. О наличии развитого устойчивого государственного делопроизводства и широком распространении письменной культуры в быту города, а также и села свидетельствуют и фундаментальное исследование В. Л. Янина по древнерусской сфрагистике, и новое, доработанное издание его книги о берестяных грамотах¹². К 1975 г. было обнаружено свыше 500 таких грамот. Опыты совокупного изучения этих источников не только похоронили некогда популярный в буржуазной науке миф об отсталости Древней Руси, но и существенно обогатили наши знания об ее общественно-политической жизни.

Продолжалось изучение древних славянских «княжений». Исследуя сведения о 14 таких «племенах»-княжениях, историки не согласились с выводом археолога И. И. Ляпушкина об их элементарной (типа: князь — народ) структуре¹³. Они обратили внимание на решающую роль в общественно-политической жизни княжений неоднократно упомянутых летописью «мужей» — нобилитета, слоя знати, выросшего из общин и позднее хорошо известного на подобной же стадии развития у соседних Руси народов Восточной Европы — поморян, пруссов, литовцев, латышей, эстонцев¹⁴.

Структура феодализировавшейся Руси предстала как федерация или (если допустить наличие верховной власти жречества) конфедерация ряда земель-княжений. Знать отдельных княжений еще не составляла единого общедревнерусского феодального сословия. Потому мы вправе признать, что решение славян — словен, кривичей и связанных с ними эстонцев-чуди о приглашении варяжских князей для «наряда», осуществляемого «по праву», — это решение совета знати нескольких

¹⁰ «Культура средневековой Руси»; А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. Вып. 3. Л. 1971; его же. Военное дело Русь IX—XV вв. Автореф. докт. дисс. М. 1975.

¹¹ М. В. Фехнер. Шелковые ткани как исторический источник для изучения экономических связей Древней Руси. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М. 1971; Ю. Л. Шаповая. Стекло Киевской Руси. М. 1972; В. В. Кропоткин. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье. «Berichte über den II. Internationalen Kongress für slavische Archäologie». Bd. III. В. 1973; Н. А. Соболева. Хронология и области распространения пражских грошей на территории СССР. «Numismatiký sborník». Т. XIII. Praha. 1973, 4—5; В. П. Даркевич. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М. 1975, и др.

¹² В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Тт. 1, 2. М. 1970; его же. Я послал тебе бересту. М. 1975.

¹³ В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М. 1971, стр. 99 и сл.; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М. 1972, стр. 275; В. Т. Пашуто. Летописная традиция о племенных княжениях и варяжский вопрос. «Летописи и хроники». М. 1974, стр. 103—110.

¹⁴ V. Pašuta. Leituwos valstybės susidarymas. Vilnius. 1971, pp. 149, 195.

крупных земель-княжений. Следовательно, не варяги принесли на Русь княжескую власть и деление общества на правящих и управляемых, тем более что известий о завоевании или колонизации Руси норманнами не имеется. Так решается сейчас норманский вопрос. Данная учеными-марксистами трактовка находит признание и среди ряда реалистически мыслящих ученых капиталистических стран (Г. Штёкль — ФРГ, А. В. Рязановский — США, К. Р. Шмидт — Дания).

Б. Д. Грековым и А. И. Неусыхиним были начаты широкие и плодотворные сравнительно-исторические исследования раннефеодальной эпохи в Европе. Применение их опыта к истории новых регионов (Прибалтика, Кавказ и др.) привело к распространению марксистской типологии на раннефеодальные структуры нашей страны. Наши коллеги в странах социализма (В. Кюттлер, М. Грох и др.) также разрабатывают эту проблему. Типология не самоцель, а средство раскрытия закономерности движения народов земли по ступеням формаций. Обращение к типологии позволило по-новому взглянуть и на Древнюю Русь. Исследуемая в пространстве — в широких пределах европейского региона нашей страны — Древняя Русь отчетливо выступает как его этнически, экономически и политически преобладающее ядро, к которому в той или иной мере тяготели свыше двух десятков народов (Прибалтики, Севера, Поволжья, Северного Кавказа, Степного и Прибрежного Причерноморья)¹⁵. Этот взгляд на Древнюю Русь, несомненно, получит дальнейшее подтверждение по мере накопления древнейших письменных источников по истории народов СССР¹⁶. Подкрепляет его и археология. Археологи установили, что энергичная славянская колонизация европейского региона страны протекала еще в дофеодальную, догосударственную пору и главной ее фигурой (независимо от того или иного вывода о ее политическом характере) был не норманский воин, а земледelec-славянин. Речь шла в основном о мирном расселении, несшем земледельческий прогресс в среду менее развитых народов¹⁷. Оно предопределило и будущую полиэтническую структуру Древнерусского государства, и прочность заложенных в нем связей между славянскими и неславянскими землями.

Не менее плодотворно типологическое исследование Древней Руси во времени — в пределах ранней стадии феодальной формации. Многолетние историко-археологические изыскания позволили ныне прийти к выводу, что в аспекте общественного развития средневековой поры европейский регион страны дает широкий спектр разнообразных структур: доклассовые — этническо-племенные, родовые и патриархально-общинные у народов Севера; раннеклассовые — княжения-земли у части народов Северного Кавказа, мордвинов и ижорян; территориально-политические конфедерации княжений-земель у земледельческих народов (пруссков, эстонцев, латышей) и у кочевых (аваров, печенегов, торков, половцев). Наконец, собственно раннефеодальные государства — Хазария, Булгария, Древняя Русь и Литва, — сохраняющие сложный, многоэтничный облик и различающиеся как по уровню и характеру феодализации, так и по господствующей в них идеологии (иудейство, му-

¹⁵ См. «Итоги и задачи изучения истории древнейших государств нашей страны». «История СССР», 1974, № 2; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Я. Н. Шапов. Назревшие проблемы типологии древнейших государств нашей страны. «Проблемы социально-экономических формаций». М. 1975.

¹⁶ См. В. Т. Пашуто, Б. А. Рыбаков. Корпус древнейших источников по истории народов СССР. «Вопросы истории», 1974, № 7; «Корпус древнейших источников по истории народов СССР». Материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР 11—12 апреля 1972 г. М. 1973.

¹⁷ П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. М. 1971; ср. работу нашего польского коллеги: Г. Ловмянский. Основные черты поздплеменного и раннегосударственного строя славян. «Становление раннефеодальных славянских государств». Киев. 1972.

сульманство, христианство, язычество). Древняя Русь предстает при этом как сильнейшее среди государств региона, как наследница богатого культурного достояния оседлых и кочевых народов, сменявших друг друга в Евразии на протяжении столетий.

Это — проблема, имеющая многочисленные выходы в смежные науки. К сожалению, предлагаемые ответы не всегда удачны. Тому пример — недавняя книга казахского поэта О. Сулейменова, в которой проводится неверная мысль о совпадении уровней цивилизации Руси и «Поля» и даже о «как бы вассальной зависимости отдельных русских княжеств от степных ханов», игнорируется сравнительный социально-экономический анализ земледельческих и кочевых обществ, допускается идеализация последних¹⁸.

Рассмотрение процесса генезиса феодализма на Руси в сравнении с тем, как протекал он ранее в Закавказье и Средней Азии (III—VII вв.) и позднее в Прибалтике (XIII в.), не оставляет места для его архаизации, будь то в сторону патриархально-общинных (И. Я. Фроянов¹⁹) или рабовладельческих (В. И. Горемыкина²⁰) отношений, словом, для пересмотра основных выводов историко-археологической школы Б. Д. Грекова; оно вновь подтверждает и несостоятельность попыток умалить значение экономических факторов в становлении раннеклассовых обществ²¹.

Региональные исследования генезиса феодализма свидетельствуют о том, что при всем своеобразии, бесспорно, обнаруживается общность закономерностей исторического процесса в сопоставляемых регионах, и прежде всего формирования государственной и частной феодальной собственности на землю, а также неполной собственности на личность производителей — определяющих признаков данного общественного строя²². Раздача земель их верховными собственниками — носителями высшей государственной власти — представителям господствующего класса производилась и на вотчинном праве и во временное держание, обусловленное вассальной службой. При этом на Руси и в Прибалтике вассальная система складывалась первоначально на основе пожалований сеньорами слугам не самой земли, а доходов с нее, как ленов, состоящих из даней; такое же значение вначале имели на Востоке и ленные пожалования типа «икта», «союргаль», «тиуль». Но общая тенденция вела к перерастанию ленов, состоявших из даней, в земельные²³. Много общего наблюдается и в процессе формирования феодально-зависимого крестьянства в упомянутых регионах.

Социальная история Древней Руси пополнилась ценным трудом А. А. Зимина о холопах. Тщательно собрав подчас скупые свидетельства отечественных источников и используя сравнительно-исторический материал соседних стран, А. А. Зимин постарался определить место челяди и холопов в процессе становления феодализма на Руси, а после возобладания феодальной раздробленности особенности их общественно- и правового положения в основных землях — Владимиро-Суздаль-

¹⁸ О. Сулейменов. *Аз и Я. Алма-Ата*. 1975, стр. 173, 181—182, 187, 142, 149, 153, 188.

¹⁹ И. Я. Фроянов. *Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории*. Л. 1974; критику концепции И. Я. Фроянова см.: Л. В. Черепнин. *Еще раз о феодализме в Киевской Руси*. «Из истории экономической и общественной жизни России».

²⁰ В. И. Горемыкина. *К проблеме истории докапиталистических обществ*. Минск. 1970; ср. Ю. А. Кизилов. *Спорные вопросы истории древнерусского феодализма*. «История СССР», 1973, № 5, стр. 150—151.

²¹ См. также Ю. В. Качановский. *Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?* М. 1971; В. Н. Никифоров. *Восток и всемирная история*. М. 1975.

²² А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. *Указ. соч.*, стр. 126—250.

²³ Там же, стр. 321—324.

ской, Галицко-Волынской, Новгородской и Смоленской. В целом он показал, что значение холопства в общественно-экономической структуре феодальной Руси было большим, чем это иногда считалось²⁴.

Важнейшую роль в становлении типов феодализма в нашей стране, как и в других частях мира, играл синтез разнотипных общественных структур. Изучение этого явления — трудная задача. Наша страна не относится к бессинтезной зоне²⁵, поэтому важно выявить наиболее типичные формы синтеза: взаимодействия как рабовладельческих, так и феодальных отношений с патриархально-общинными и раннефеодальными (земледельческими, промысловыми и кочевыми) обществами. Еще далеко не в полной мере раскрыто значение взаимодействия с иранскими, балтийскими, финно-угорскими и тюркскими элементами, хотя и началась успешная разработка этой темы²⁶. Пока ясно одно, что в процессе генезиса феодализма они не играли решающей роли, напротив, факты свидетельствуют о прогрессивном воздействии Руси на историю связанных с нею народов.

Исследуется и классовая борьба, причем удается все более прочно связать основные этапы государственно-правовых преобразований с народными социальными движениями и на Руси и на землях подвластных ей народов. В названном труде А. А. Зимина проанализирована борьба холопов на разных этапах истории Древней Руси. Перспективны (как установил З. Эпперлейн — ГДР) и сравнительные исследования классовой борьбы в ряде восточноевропейских стран.

Б. Д. Греков считал неотложным делом изучение феодальной раздробленности²⁷. Большой интерес вызвала и оказалась весьма плодотворной научная конференция советских и польских историков (1971 г.), посвященная анализу черт общности и своеобразия в развитии Руси и Польши XII—XIV веков²⁸. На ней, в частности, было раскрыто много общего в истории основных институтов и политической структуры двух стран; нашло признание мысль, что феодальная раздробленность на Руси дотатарской поры в известной мере уравнивалась коллективным сюзеренитетом сильнейших — владимиристо-суздальских, галицко-волинских и смоленских — князей на основе договора-«ряда» над Киевом и Новгородом. Стремясь полнее выявить предпосылки политической раздробленности, советские ученые продолжают изучение истории боярства²⁹. Надо и здесь шире применять сравнительную методологию: процесс перерождения древнерусских кормлений в вотчины³⁰, например, может быть глубже освещен благодаря привлечению материала по истории сербских жупанств, где он шел достаточно быстро³¹, и континен-

²⁴ А. А. Зимин. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М. 1973.

²⁵ См. «Итоги и задачи...», стр. 74; ср. В. Д. Королюк. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы. «Исследования по истории славянских и балканских народов». М. 1972, стр. 13—14, а также стр. 25, где неосновательно отрицается многоэтничный характер Древнерусского государства.

²⁶ См. Н. А. Казакова. Полоцкая земля и прибалтийские племена в X—начале XIII в. «Проблемы истории феодальной России»; Л. А. Голубева. Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М. 1973; «Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии». М. 1975, стр. 21—24, 33—34, 37—38, 39—40, 40—42, 43—44, 47—48.

²⁷ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1949, стр. 253.

²⁸ «Польша и Русь». М. 1974; Л. В. Черепнин. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X—начала XIII в. «Исторические записки». Т. 89. 1972; П. П. Толочко. Вече и народные движения в Киеве. «Исследования по истории славянских и балканских народов», стр. 125—143.

²⁹ О. М. Рапов. К вопросу о боярском землевладении на Руси. «Польша и Русь».

³⁰ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 159—162.

³¹ В. П. Грачев. Сербская государственность в X—XIV вв. М. 1972, стр. 237—294.

гальной Хорватии, где устойчивость патриархальной домашней общины (или, возможно, патронимии) препятствовала ему³².

Значительную роль должны сыграть и современные специальные разыскания по социальной (в узком смысле слова) терминологии, посвященные классам и правовым институтам Древней Руси. При этом необходимо объединить теоретический и семантико-лингвистический анализ со сравнительно-историческим исследованием разноязычной терминологии. На это справедливо обратил недавно внимание Е. П. Наумов³³.

Предметом изысканий ученых была и история древнерусской церкви (как социально-экономическая, так и политическая). Большим достижением явилась книга Я. Н. Шапова. Ему удалось доказать сравнительно позднее (XII в.) формирование и распространение церковной собственности на Руси и раскрыть те издревле присущие русской церковной организации особенности, в частности ее зависимость от государственной власти, которые в досоветской, да и в современной буржуазной науке рассматривались как плод московско-византийского синтеза, пресловутого цезарепапизма³⁴.

Крупным явлением в разработке ряда проблем политической структуры России той поры стали труды Б. А. Рыбакова, который нарисовал живую картину ее культурно-политической истории в связи со «Словом о полку Игореве», вписав этот замечательный памятник в сложный расклад и борьбу политических сил за преобладание в стране³⁵. У нас нет пока книги по истории Черниговской земли, которая достигла своего расцвета в канун монголо-татарского нашествия, когда ее князь держал в руках столы и Галича и Киева. Отсутствует также обобщающий труд по истории Владимиро-Суздальской земли, долгое время определявшей судьбы и Новгорода, и Пскова, и Смоленска³⁶, и Полоцка. Назрела необходимость подведения итогов трудам Новгородской археологической экспедиции, материалы раскопок которой представляют исключительный интерес для изучения хозяйственной жизни и политической истории Древней Руси. Разработка этих и других важных тем делает настоятельно необходимым возрождение былого значения медиевистики в таких центрах, как Киев и Минск, Львов и Ужгород, и координацию творческих усилий русских, украинских и белорусских историков.

Работы последних лет укрепили представления о том, что Древняя Русь была великой державой средневекового мира³⁷. Истекшее пятилетие отмечено повышением интереса к данной теме, ее разработка обогатилась и новыми аспектами и источниками. Изучение места Древней Руси в мировой истории и подготовка в этих целях «Свода древнейших источников по истории народов СССР» — задачи не из легких, и отрядно, что за их решение берутся молодые ученые³⁸.

³² Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. М. 1962, стр. 376.

³³ Е. П. Наумов. К истории феодальной сословной терминологии Древней Руси и южнославянских стран. «Исследования по истории славянских и балканских народов»; ср. С. В. Завадская. Социальная терминология как исторический источник. «Проблемы социально-экономической и политической истории СССР». М. 1975, стр. 81—84.

³⁴ Я. Н. Шапов. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М. 1972.

³⁵ Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М. 1971; его же. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М. 1972.

³⁶ См. Л. В. Алексеев. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли. «Stowanie w dziejach Europy». Poznań. 1974.

³⁷ В. Т. Пашуто. Место Древней Руси в истории Европы. «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе».

³⁸ «Проблемы социально-экономической и политической истории СССР» (см. тезисы докладов А. В. Подосинова, Л. И. Грацианской, И. С. Чичурова).

Древнерусско-византийские отношения всегда занимали важное место в трудах советских медиевистов. Среди новейших работ выделяются публикация-исследование Г. Г. Литаврина³⁹ и серия статей М. В. Бибикова, А. П. Каждана, С. М. Каштанова, М. Ф. Мурьянова, П. В. Саваськова. Фундаментальная проблема о месте правового наследия Византии на Руси и роли южнославянских земель в его распространении досконально изучены Я. Н. Шаповым. Его труд не оставил места для традиционного в буржуазной науке взгляда о византийской культурно-политической супремации на Руси⁴⁰.

После долгого перерыва возобновилось исследование скандинавских источников — рунических надписей (Е. А. Мельникова); вышел и специальный сборник, содержащий обильные сведения по истории русско-скандинавских связей⁴¹. Сопоставительное изучение рунических писем, саг, этнонимических преданий и древних карт представляется весьма перспективным.

Успешно разрабатывается история культурных взаимоотношений Руси со славянскими странами. Новые ее задачи намечены, а частично и решены в статьях А. И. Рогова⁴², а также Я. Д. Исаевича, Л. С. Кишкина, Н. И. Шавелевой и других. Благодаря инициативе молдавских историков⁴³ заметно оживились изыскания о международном положении юго-западных земель Руси (работы В. Д. Королюка, П. Ф. Параски, И. Г. Хынку и других).

Изучение связей Руси с западноевропейскими странами отмечено выходом в свет серии статей М. А. Заборова, Н. А. Казаковой, И. Э. Клейненберга, В. А. Кучкина, М. Б. Свердлова. В особую тему выделась в работах А. Н. Сахарова древнерусская дипломатия. Расширяется и интерес к сношениям Руси с кочевым миром и странами Востока. Издан труд ал-Гарнати, посетившего Русь в XII веке⁴⁴. Появились новые публикации А. П. Ковалевского, знатока истории половцев С. А. Плетневой и молодой исследовательницы Т. М. Калининой. Ученые из братских социалистических стран также вносят свой вклад в разработку этой темы. Отметим статьи ныне покойных Е. Антоневича и Т. Мантейффеля, а также Э. Доннерта, исследовательницы Сазавского монастыря К. Рейхертовой и ее коллеги В. Хуначека, публикацию А. Божковым важных для изучения русской истории византийских миниатюр.

II

В 1970—1975 гг. осуществлен ряд ценных документальных изданий по истории России XIV—XVIII веков. Назовем публикацию актов XVI в. (положившую начало полному изданию источников этого типа за 1505—1613 гг., аналогичному по своим принципам серии «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.»). Упомянем также очередные тома таких продолжающихся изданий, как «Полное собрание русских летописей» и «Письма и бумаги Петра Великого»⁴⁵. Увидели свет кадастровые материалы, разрядные

³⁹ «Советы и рассказы Кекавмена». М. 1972.

⁴⁰ Я. Н. Шапов. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси (Кормчие книги) в XI—XV вв. Автореф. докт. дисс. М. 1975.

⁴¹ «Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.». Л. 1970.

⁴² А. И. Рогов. Культурные связи восточных и западных славян в раннефеодальный период (задачи предстоящих исследований). «Становление раннефеодальных славянских государств».

⁴³ См. «Юго-Восточная Европа в средние века». Кишинев. 1972.

⁴⁴ «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу». Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М. 1971.

⁴⁵ «Акты Русского государства. 1505—1526 гг.». М. 1975; ПСРЛ. Т. 32. М. 1975; «Письма и бумаги Петра Великого». Т. XII, вып. 1. М. 1975.

книги XVI—XVII вв., дипломатические документы⁴⁶. Значительно увеличился фонд опубликованных материалов, характеризующих развитие классовой борьбы, и прежде всего историю Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, в разных национальных районах⁴⁷.

Заметные успехи достигнуты в разработке проблем источниковедения, археографии, вспомогательных исторических дисциплин. Эти направления научных исследований широко представлены в таких периодических изданиях, как «Археографический ежегодник», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Источниковедение отечественной истории», «Летописи и хроники». Более отчетливой стала прямая связь результатов специальных изысканий с решением важных вопросов эволюции средневекового общества⁴⁸. Появились первые перспективные опыты математико-статистической обработки не только массовых источников, но и немногочисленных актов XIV — начала XVI века⁴⁹.

Однако немало предстоит еще сделать. Только прочная и постоянно возрастающая документальная база может создать объективные условия для углубленного познания всех сторон исторического процесса, для совершенствования методики исторического анализа. В издании источников феодальной Руси кровно заинтересованы и историки, и филологи, и философы, и экономисты, и юристы. Они нередко плодотворно сотрудничают на этом поприще. Но есть и случаи параллелизма в археографической работе, несогласованности действий. Видимо, назрел вопрос о подготовке единого перспективного плана документальных публикаций по истории СССР дооктябрьского периода, учитывающего потребности дальнейшего развития всех смежных наук.

В центре внимания исследователей социально-экономической и политической истории России XIV—XVIII веков находились базисные явления. Активизировалось изучение производительных сил в сельском хозяйстве (систем земледелия, орудий труда, соотношения различных видов земледелия, овощеводства, животноводства, урожайности и т. п.). Почти исключительно это статьи и доклады, подготовленные в рамках межреспубликанского симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы и отраженные в его «Тезисах» и «Ежегодниках».

Ключевым при исследовании состояния производительных сил был анализ на базе массовых источников XVII—XVIII вв. применительно к различным разрядам крестьян (помещичьи, монастырские, черносошные) и разным регионам страны основной производственной единицы — крестьянского двора. Изучались его демографический облик и трудовые ресурсы, величина земельного надела, форма и уровень частнофеодаль-

⁴⁶ «Материалы по истории Якутии XVII в.». Документы ясачного сбора. Чч. 1—3. М. 1970; «Материалы по истории Европейского Севера СССР». Северный археографический сборник. Вып. 1—III. Вологда. 1970—1973; «Из истории феодализма и капитализма в Башкирии». Уфа. 1971; «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы». Т. 3. М. 1970; «Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы». Т. 2. 1686—1691 гг. М. 1972; «Разрядная книга 1559—1605 гг.». М. 1974; «Разрядные книги 1598—1638 гг.». М. 1974; «Русско-монгольские отношения 1636—1654». Сборник документов. М. 1974, и др.

⁴⁷ «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии». Чебоксары. 1972; «Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. Документы из собрания Государственного исторического музея». М. 1973; «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии». Ижевск. 1974; «Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии». Уфа. 1975; «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг.». М. 1975; «Волнения рабочих людей и приписных крестьян на металлургических заводах первой половины XVIII в.». М. 1975, и др.

⁴⁸ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. М. 1970; Н. Н. Покровский. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск. 1973; В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв.

⁴⁹ А. Д. Горский. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. М. 1974.

ной ренты, соотношение платежей и повинностей крестьян в пользу их владельцев и государства, наконец, внеземледельческие промыслы. Перспективным оказалось обращение к исследованию трудовых навыков и традиций крестьянства, способов закрепления их производственного опыта⁵⁰. Из монографических трудов широкого профиля следует выделить книгу Ю. А. Тихонова⁵¹. В ней впервые на сравнительно массовом и достоверном материале XVII — первой четверти XVIII в. изучены формы частнофеодальной ренты, ее уровень (в подворном и подушном масштабе), соотношение частновладельческих и государственных платежей и повинностей применительно к одной из основных категорий крестьянства. Выводы автора важны для понимания причин установления крепостного строя в стране, а также взаимосвязей рентных платежей с развитием товарно-денежных отношений.

В истории отдельных категорий крестьянства наибольшие споры вызывает вопрос о природе черносошного землевладения. Можно выделить три подхода к решению этой проблемы. Одни ученые исходят из того, что земли черносошных крестьян были в их владении (с достаточно широким и исторически изменчивым объемом прав), а верховным собственником выступало государство в лице его главы, в чем и проявлялся сословно-монопольный характер феодальной земельной собственности. Соответственно система государственных налогов и повинностей рассматривается в первую очередь как рентное отношение, то есть как система феодально-государственной эксплуатации⁵². Согласно другой концепции, черносошные земли представляли собой разделенную собственность великого князя, волостной общины и черных крестьян (при сохранении реликтовых черт собственности большой семьи), причем происходила постепенная ликвидация собственнических прав крестьян⁵³. При всех разногласиях сторонников двух названных точек зрения сближает принципиально единый взгляд на сущность государева тягла черносошных крестьян как форму их эксплуатации государством-собственником. Сторонники третьей концепции видят в черных землях собственность крестьян. При этом, по мнению одних исследователей, преобладала частная собственность крестьян при коллективном пользовании угодьями и при наличии у волости-общины территориально-административных прав на занимаемые ею земли⁵⁴, другие же считают, что черносошная община-волость в значительно большей мере наделена правами собственности⁵⁵. При подобном подходе, естественно, исчезает экономическая основа государственной эксплуатации и система налогов и повинностей, падавшая на черносошных крестьян, трактуется как вытекающая из публично-правовых прерогатив государства.

Очевидна связь проблемы черносошного землевладения с общей оценкой уровня и характера исторического развития страны в XV—XVI

⁵⁰ М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск. 1975.

⁵¹ Ю. А. Тихонов. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М. 1974.

⁵² А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 210—229; Н. Н. Покровский. Указ. соч.; М. Д. Курмачева, В. Д. Назаров. Указ. соч., стр. 184—185; А. Д. Горский, Указ. соч.

⁵³ Д. И. Раскин, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро. О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв. «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России». Л. 1972.

⁵⁴ Н. Е. Носов. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. (к постановке вопроса). «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России».

⁵⁵ Ю. Г. Алексеев. Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в. «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России»; А. И. Копанев. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. Там же; Ю. Г. Алексеев, А. И. Копанев. Развитие поместной системы в XVI в. «Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.», стр. 62—69.

веках. Так, Ю. Г. Алексеев полагает, что окончательное завершение генезиса феодальных отношений и наступление эпохи развитого феодализма в России приходится на время не ранее второй половины XVI в., когда была ликвидирована черносошная волость в центральных районах государства. И, наоборот, тезис о ведущей роли частной собственности крестьян в черносошном землевладении — необходимый элемент концепции Н. Е. Носова о тенденции раннекапиталистического развития России в XVI веке. Понятно, что этот аспект проблемы обострил интерес к ней ученых. В ходе дискуссии объем исследовательских задач и хронологические рамки проблемы вырисовываются все отчетливее. Очевидна, в частности, необходимость более углубленного дипломатического анализа частных и публичных актов XIV—XV вв. и вообще источниковой основы истории аграрного вопроса для выяснения соотношения собственно великокняжеских (княжеских) сел и волостей (аналогичных дворцовым владениям) и государственно-великокняжеских (черных) земель. Проблема нуждается и в широком сквозном изучении — на протяжении XV—XVIII веков.

Необходимы также монографические исследования по истории государственной фискальной системы. Речь должна, в частности, идти о генезисе различных видов платежей и повинностей, их уровне применительно к отдельным категориям крестьян и на разных этапах, о взаимосвязях схожих номенклатур платежей и барщинных обязанностей у государственных и частновладельческих крестьян, наконец, о роли государственных поступлений в бюджетах отдельных феодалов. Важно проследить эволюцию таких явлений, как полюдье — система кормлений — денежное государево жалованье служилых людей по отечеству. Все они были связаны с государственной формой изъятия прибавочного продукта у трудового сельского населения и перераспределения его среди феодалов. Нужно, наконец, выявить конкретные формы собственности государства (господствующего класса в целом) на личность черного крестьянина, памятуя об их весьма широком спектре. Притом существенно проследить реальное содержание (и его стадиальные изменения) понятия крестьянской «свободы» у различных групп нечастновладельческих крестьян.

Признание государственных форм феодальной земельной собственности, государственно-централизованных способов эксплуатации в период развитого и позднего феодализма в последнее время находит все больше сторонников среди и востоковедов и медиевистов. Соотношение государственной и частнофеодальной эксплуатации все более признается одним из ведущих признаков типологизации феодальных обществ⁵⁶. Наличие рентной стороны в системе государственных налогов и повинностей, разумеется, вовсе не исключает тех явлений фиска, которые были связаны с публично-правовыми прерогативами государства.

Исследование аграрных отношений велось и регионально, что нашло свое отражение в сборниках статей и сводных работах по истории Сибири, Европейского Севера и Подонья. Особенно содержателен труд ленинградских ученых по аграрной истории Северо-Западной России⁵⁷.

Сохранившиеся массовые источники (кадастрового и поземельного типа) XV—XVI вв. по новгородским землям являются счастливым исключением для этого времени. Уникальны они и данными о феодальной ренте. Комплексный анализ аграрного строя Новгородской области на

⁵⁶ См., в частности, «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г.» (раздел «Проблемы типологии феодализма и особенностей социально-экономического развития Юго-Восточной Европы»). Кишинев. 1973.

⁵⁷ «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.». Л. 1971; «Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины». Л. 1974.

их основе предпринят впервые. В работе детально освещены структура феодального землевладения в последний период существования республики, коренная его ломка при присоединении Новгорода к Русскому централизованному государству, эволюция земельной собственности в пятинах на протяжении XVI века. Изучен экономический строй вотчин и поместий в диалектическом взаимодействии барского и крестьянского хозяйств. Выяснены размеры и степень распространения барской запашки, особенности применявшегося на ней преимущественно холопского труда, соотношение помещичьих доходов с собственной пашни и в виде оброчных платежей от крестьян. Проанализировано состояние крестьянского двора — его демографический и семейный облик, величина дворового надела, соотношение хлебопашества и животноводства в крестьянском хозяйстве, место в нем промыслов и занятий ремеслом. Смоделирована доходная и расходная части бюджета применительно к среднему хозяйству помещичьих и оброчных крестьян, предположительно установлена норма их эксплуатации. Тщательно разработана комплексная методика анализа различных типов источников, цифровой материал сведен в многочисленные (сопоставимые) таблицы. Это действительно коллективное исследование, в котором авторы объединены единством подхода к проблеме и методики ее изучения. Их обобщенные показатели открывают возможность для сравнительного анализа данных по другим, гораздо более бедным источниками районам.

После выхода в свет книги В. И. Корецкого и статьи Л. В. Даниловой⁵⁸ проблема установления крепостного права в России была вновь поставлена на обсуждение⁵⁹. Главное внимание (если отвлечься от источниковедческой полемики) привлекли два вопроса. Во-первых, причины победы крепостнического строя в России в конце XVI—XVII вв., во-вторых, конкретный ход процесса закрепощения и его юридического оформления. Последнее получило также отражение в новейших монографиях В. И. Корецкого и В. М. Панеяха⁶⁰. Прошедшая дискуссия не решила проблемы в целом. Это задача последующих монографических изысканий. Однако уже сейчас наметилось сближение по ряду существенных пунктов. Так, пожалуй, единодушно мнение о сумме экономических, социальных и политических причин (внутренних и внешних), вызвавших переход правительств к закрепостительному курсу. Можно, видимо, считать доказанным, что в конце XVI в. не было резкого и принципиального изменения в объеме барщинных повинностей зависимого крестьянства в связи с ростом (размеры которого доселе преувеличивались) барской запашки, что, однако, не снижает значения барщины в процессе закрепощения. Ведь не позднее второй половины XVI в. начинается двухвековой период вызревания барщинной системы. Должную оценку получил и значительный рост государственных налогов и повинностей в условиях хозяйственного кризиса 70-х—80-х годов XVI в. и «великого запустения» в начале XVII века⁶¹. Наконец, полнее освещено существенное воздействие классовой борьбы на ход закрепостительного процесса, детальнее учтено изменение юридического и социального положения холопов и бобылей.

Оценка многих важнейших сторон истории холопства изменилась

⁵⁸ В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. 1970; Л. В. Данилова. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965». М. 1970.

⁵⁹ В нем приняли участие Г. В. Абрамович, Г. Н. Анпилов, В. М. Панеях, Р. Г. Скрынников, Ю. А. Тихонов, А. Л. Шапиро и др.

⁶⁰ В. И. Корецкий. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. 1975; В. М. Панеях. Холопство в XVI—начале XVII века. Л. 1975.

⁶¹ См., в частности, Г. В. Абрамович. Государственные повинности владельцев крестьян Северо-Западной Руси в XVI—первой четверти XVII в. «История СССР», 1972, № 3.

благодаря новейшим трудам А. А. Зими́на, Е. И. Колычевой, В. М. Панеяха. В книге А. А. Зими́на⁶² рассмотрены социально-экономическое положение разных разрядов холопов в XIV—XV вв., их правовой статус, правительственная политика, различные формы их классового сопротивления. Е. И. Колычева анализирует развитие полного, старинного и докладного холопства⁶³. Наиболее подробно охарактеризованы ею черты эволюции сельских «страдных» холопов. Исследовательница формулирует весьма важные для понимания генезиса крепостничества положения о возникновении и интенсивном развитии холопских наделов, об их государственном обложении, наконец, усилении поземельной зависимости (в сравнении с личной) холопов от их владельцев. Обоснован вывод о весьма значительном сближении социально-экономического и юридического положения холопов и крестьян. К аналогичным взглядам, но на основе изучения по преимуществу кабального холопства пришел В. И. Корецкий. Некоторые пункты построений Е. И. Колычевой вызвали возражения В. М. Панеяха, в монографии которого исследуется эволюция холопства как института в целом (и отдельных его разрядов)⁶⁴. Автор признает кризисные явления в истории холопов XVI века. Согласен он и с тезисом о постепенном сближении хозяйственного положения и правового статуса холопов и крестьян. Но интенсивность указанных процессов, по его мнению, преувеличена.

Вопросы аграрной истории, связанные с «новым периодом» русской истории (XVII в.), по-прежнему занимали большое место в литературе. Противоречивый характер влияния рынка на соотношение различных форм ренты помещичьих крестьян изучен в названной книге Ю. А. Тихонова. Постепенное, медленное нарастание барщинных форм эксплуатации он связывает как с традиционными потребительскими, так и с рыночными целями барского хозяйства. Более однозначно решается вопрос в том случае, когда налицо значительное преобладание денежного оброка. Оно свидетельствует или о крупной промыслово-ремесленной деятельности крестьян, или же о достаточно регулярном их обращении к рынку сельскохозяйственных продуктов.

Проблема развития единого аграрного рынка в России на протяжении XVII—XVIII вв. прежде анализировалась путем определения объемов товарных потоков сельскохозяйственной продукции и их направлений. Ныне кардинальное значение придается структуре и динамике цен на хлеб, сельскохозяйственные орудия и пр. как синтетическому показателю степени слияния областных рынков в национальный. Это требует применения математико-статистических методов обработки массовых исходных данных. Предложены различные методики их анализа. Одна применена Б. Н. Мироновым⁶⁵, по мнению которого, единый всероссийский хлебный рынок сложился уже в 50-е—60-е годы XVIII века. Его выводы и методика исследования оспариваются в фундаментальной монографии И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, по мысли которых капиталистический аграрный рынок складывается лишь в пореформенное время⁶⁶. Использование новых приемов обработки имеющихся сведений отнюдь не отменяет традиционной методики их анализа, особенно в тех случаях, когда у историков нет надежных массовых исходных данных.

Характер и уровень имущественной и социальной дифференциации различных категорий крестьян, особенности и масштабы крестьянской

⁶² А. А. Зими́н. Указ. соч.

⁶³ Е. И. Колычева. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI вв.). М. 1971.

⁶⁴ В. М. Панеях. Указ. соч.

⁶⁵ Б. Н. Миронов. О критерии единого национального рынка. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968». Л. 1972, и др.

⁶⁶ И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Всероссийский аграрный рынок. XVIII—начало XX в. Опыт количественного анализа. М. 1974.

аренды, степень распространения промысловых и ремесленных занятий в сельской местности, объем и специфические черты наемного труда в сельском хозяйстве — все эти темы разрабатываются в многочисленных статьях, а также в ряде монографий. Укажем на книгу Л. Л. Муравьевой об эволюции деревенского ремесла и промышленности (с элементами буржуазных отношений) в центре страны в XVII в.⁶⁷ и на исследование П. Н. Павлова о пушном промысле в Сибири, развитие которого находилось в тесной и противоречивой взаимосвязи с земледельческим освоением территории к востоку от Урала⁶⁸. Комплексный подход к освещению экономической истории присущ монографии А. А. Преображенского, который детально анализирует миграционные процессы русского трудового населения на территории Урала и Западной Сибири, складывающуюся там структуру землевладения, формы и способы эксплуатации русского населения государством. Ростки новых отношений в аграрном строе (обусловленные в том числе и местными особенностями), в частности возникновение наемного труда в сельском хозяйстве, исследуются им в тесной связи с генезисом буржуазных отношений в сфере промышленного производства, где основное внимание сосредоточено на появлении простой кооперации и зарождении частных мануфактур⁶⁹.

В последние годы ученые вновь обратились к давней в русской историографии теме — истории крестьянской общины. Издана монография В. А. Александрова, посвященная многостороннему анализу сельской общины в помещичьих имениях центральной России XVII — начала XIX в. (структура сельских миров, их роль в хозяйственных процессах, в организации и сборе податей, отбывании повинностей)⁷⁰. На ряде сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы обсуждались проблемы крестьянской общины в странах Европы, Азии и Африки в сравнительно-историческом плане.

Проблемы истории ремесленного и промышленного производства, а также торговли XIV—XVI вв. изучаются недостаточно. Можно назвать лишь соответствующие разделы монографий Е. И. Заозерской, Г. С. Рабинович, К. Н. Сербиной, а также ряд локальных исследований по отдельным сюжетам внутренней и внешней торговли России XVI века. Шире изучалась эта тематика применительно к XVII—XVIII векам. Основное внимание историков сосредоточилось на процессах трансформации средневекового ремесла в мелкотоварное производство, появлении первых форм крупного капиталистического производства (простой кооперации, рассеянной и централизованной мануфактуры), особенностях их эволюции на протяжении XVIII в. (соотношении буржуазных и крепостнических черт в облике частной, вотчинной и казенной мануфактуры), характере и масштабе рынка рабочей силы, начальных этапах формирования класса рабочих⁷¹.

Серия монографий посвящена вопросу о зарождении, этапах и степени развития буржуазных отношений в сфере промышленного производства. Е. И. Заозерская⁷² систематизировала весьма многочисленные данные о характере эволюции трех отраслей промышленного производства. Ею прослежено развитие мелкотоварного производства на про-

⁶⁷ Л. Л. Муравьева. Деревенская промышленность Центральной России. М. 1971.

⁶⁸ П. Н. Павлов. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск. 1972.

⁶⁹ А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М. 1972.

⁷⁰ В. А. Александров. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М. 1976.

⁷¹ «Проблемы генезиса капитализма». М. 1970; «Вопросы истории Урала. Казенная горнозаводская промышленность Урала XVIII—XIX вв.». Свердловск. 1970, и др.

⁷² Е. И. Заозерская. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII вв. К вопросу о генезисе капитализма в России. М. 1970.

тяжении XVI—XVII вв., постепенное складывание форм крупного производства (простой кооперации и мануфактуры). Изучены также рабочая сила (прежде всего соотношение лично зависимых категорий рабочих людей и наемных работников), особенности технологического разделения труда. Ряд положений Е. И. Заозерской вызвал возражения. Ее тезис об отсутствии мануфактурного разделения труда в солеварении отвергнут в монографии Г. С. Рабинович⁷³. Автор вслед за Н. В. Устюговым полагает, что крупные промыслы, состоявшие из нескольких варниц с постоянным штатом работников (помимо варничных), были именно мануфактурами. Иначе оценивается в книге Г. С. Рабинович и характер рабочей силы, прежде всего наемной.

Формирование мелкотоварного производства в крестьянской железодельной промышленности Северо-Запада России, его постепенное перерастание в крупное производство (типа простой кооперации, рассеянной, а позднее централизованной мануфактуры) изучено в фундаментальной монографии К. Н. Сербиной⁷⁴. Весьма важен выполненный ею разносторонний анализ связей сельского железодельного производства с городской промышленностью.

Актуальные проблемы истории промышленности России в XVII—XVIII вв. послужили темой докладов членов советской делегации на советско-финском симпозиуме по социально-экономической истории⁷⁵.

После сравнительно долгого перерыва возобновилась разработка истории формирования рабочих в XVIII веке. В книге Л. Н. Семеновича тщательно выясняются изменение численности петербургских рабочих людей, источники пополнения их рядов, экономические, социальные и юридические условия их жизни. Разделы, посвященные XVIII в., в обобщающем труде по истории рабочих Ленинграда⁷⁶ занимают видное место. Предпринята интересная попытка изучения бурлачества в России⁷⁷. Вышли в свет работы, посвященные отдельным видам промышленного производства⁷⁸, а также книги по истории отдельных предприятий⁷⁹.

К сожалению, отсутствуют пока фундаментальные исследования о внутренней и внешней торговле России. Не разработаны и не обобщены данные об особенностях формирования рынка промышленных и ремесленных товаров — одного из главных элементов зарождения и развития всероссийского национального рынка, без чего трудно судить о степени и характере общественного разделения труда как между сельским хозяйством и промышленностью, так и внутри этих сфер экономики.

Увидели свет обобщающие работы по истории отдельных городов. В первую очередь здесь надо назвать коллективный труд по истории Москвы⁸⁰. Заслуживают внимания монографические исследования и сборники статей по исторической географии. Они содержат важные дан-

⁷³ Г. С. Рабинович. Город соли — Старая Русса в конце XVI — середине XVIII в. (К вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности). Л. 1973.

⁷⁴ К. Н. Сербина. Крестьянская железодельная промышленность Северо-Запада России XVI — первой половины XIX в. Л. 1971.

⁷⁵ «Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике». Материалы II советско-финского симпозиума по социально-экономической истории. Л. 1975 (доклады К. Н. Сербиной, А. А. Преображенского, И. П. Шаскольского).

⁷⁶ Л. Н. Семенова. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л. 1974; «История рабочих Ленинграда». Т. 1. Л. 1972.

⁷⁷ Ф. Родин. Бурлачество в России. М. 1975.

⁷⁸ Г. С. Исаев. Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в России. 1760—1860 гг. Л. 1970; А. С. Ключевич. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. (Моющие средства, переработка жиров с древнейших времен до 1917 г.). Казань. 1971.

⁷⁹ «История Тульского оружейного завода (1712—1972)». М. 1973.

⁸⁰ «История Москвы». Краткий очерк. М. 1974; «Псков». Очерки истории. Л. 1971; «История города Горького». Горький. 1971, и др.

ные и выводы о численности и размещении населения, районировании отдельных видов сельскохозяйственного и промышленного производства, путях сообщения и др.⁸¹

Установилась традиция издания творческого наследия крупных советских историков. В последние годы увидели свет работы В. И. Шункова (сконцентрированные вокруг узловых проблем позднефеодальной аграрной эволюции) и Н. В. Устюгова (в них комплексно рассмотрены основные направления социально-экономического развития России в XVII в.)⁸².

III

Значительно возрос интерес к проблематике классовой борьбы. Борьба крестьян (по преимуществу черных и дворцовых) за землю в эпоху образования Русского централизованного государства рассматривается в книге А. Д. Горского. Автор удачно применил особую методику статистической обработки актового материала и убедительно представил динамику крестьянских выступлений с учетом их порайонных особенностей, вскрыв направленность, формы и результаты. Им выявлены и представления крестьян о борьбе за землю⁸³.

Особое внимание в связи с юбилеями было сосредоточено на изучении высших форм классового противоборства в феодальном обществе — крестьянских войн. Издан коллективный сборник о самых актуальных и сложных вопросах четырех крестьянских войн⁸⁴.

В книге В. И. Корецкого⁸⁵ наиболее подробно освещены начальный и кульминационный периоды первой крестьянской войны в России начала XVII века. Использование нового архивного материала позволило гораздо точнее представить размах и особенности восстания под предводительством Хлопка. Автор доказал, что в период восстания под предводительством Болотникова поход к Москве осуществлялся самостоятельными повстанческими армиями по двум маршрутам. Объединились эти силы только под стенами Москвы. Борьба за их руководство, окончившаяся в пользу Болотникова, послужила толчком к измене южных и рязанских дворян. Введен в научный оборот первый повстанческий документ, исходивший непосредственно от руководителей восстания (грамота от имени «царевича Петра» от мая 1607 г.)⁸⁶. В той же работе комплексно рассмотрена внешнеполитическая деятельность повстанческого центра. Источники позволили более обоснованно судить о формах политической организации (межсословные органы регионального уровня) повстанцев, структуре их власти⁸⁷.

⁸¹ В. М. Кабузан. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М. 1971; Я. Е. Водарский. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М. 1972; его же. Население России за 400 лет (XVI—XX вв.). М. 1973; А. Д. Колесников. Русское население Западной Сибири в XVII—начале XIX в. Омск. 1973; «Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.». М. 1974; М. В. Витов, И. В. Власова. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII вв. М. 1974, и др.

⁸² В. И. Шунков. Вопросы аграрной истории России. М. 1974; Н. В. Устюгов. Научное наследие. Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. Народы Средней Азии и Приуралья в XVII—XVIII вв. М. 1974.

⁸³ А. Д. Горский. Указ. соч.

⁸⁴ «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения». М. 1974.

⁸⁵ В. И. Корецкий. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России.

⁸⁶ В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря. Крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова и Речь Посполитая. «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения».

⁸⁷ См. также статьи А. А. Зиминой («Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения»; «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.

Е. В. Чистяковой изучены городские восстания 30-х—40-х годов XVII в. в центре и на окраинах России. Значительно расширена источниковая база, внимательно исследованы движущие силы восстаний, характер и причины участия в них провинциального дворянства, цели повстанцев, формы их организации и действий, наконец, объективные последствия восстаний и их влияние на законодательство и реформы середины XVII века⁸⁸.

Продолжалось интенсивное изучение крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина. Вышло в свет продолжение фундаментального исследования И. В. Степанова, которое охватывает период от подготовки повстанческой армии Разина к походу на Астрахань летом 1670 г. и до осады им Симбирска. В книге уточнены даты многих событий и численность повстанческих сил, проанализированы военная подготовка повстанцев, структура их военной организации, характер вооружения. Интересны выводы автора об особенностях повстанческой власти в Астрахани до и после ухода главных сил. В другой работе И. В. Степанов рассмотрел борьбу разинской армии за Симбирск⁸⁹. Общий очерк крестьянской войны с 1667 по осень 1670 г. представлен в обширной статье Е. И. Заозерской⁹⁰. Отзвуки крестьянской войны на Урале и в Западной Сибири изучены А. А. Преображенским. Ряд книг и статей посвящен самому Разину⁹¹.

Остается спорным определение хронологических рамок войны. Одни считают события 1667—1669 гг. ее органичной частью и начальным этапом. Другие ограничивают войну рамками 1670—1671 гг., недостаточно учитывая, что любое масштабное историческое явление проходит определенные фазы развития. Думается, что события 1667—1669 гг. вполне соответствуют основным признакам, по которым выделяются крестьянские (гражданские) войны. Силы повстанцев были уже в то время достаточно значительны, они контролировали обширную территорию и вступили в вооруженную борьбу с представителями царской власти. Вряд ли верно ограничиваться и констатацией только «разбойного» характера каспийского похода, ибо ему присуща заметная социальная окраска, а результаты его имели первостепенное значение для будущих судеб войны. Разин и его окружение приобрели политический и военный опыт, а участники похода стали ядром большой повстанческой армии. Наконец, возникла благоприятная социально-психологическая ситуация: по возвращении Разина из каспийского похода социальные низы Поволжья увидели в нем выразителя своих коренных интересов.

Классовой борьбе конца XVII — первой половины XVIII в. посвящены многочисленные локальные исследования, преимущественно опубликованные в «Тезисах» и «Ежегодниках» межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

Ряд работ содержит весьма перспективный сквозной анализ развития классовой борьбы крестьянства на протяжении двух-трех веков в отдельных регионах⁹². Существенно, что стало более пристальным вни-

1971». Вильнюс, 1974) и В. Д. Назарова («Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе»).

⁸⁸ Е. В. Чистякова. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30-е — 40-е годы). Воронеж, 1975.

⁸⁹ И. В. Степанов. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Т. II, ч. 1. Л. 1972; его же. Борьба крестьянско-казацкого повстанческого войска С. Разина за Симбирск. «Проблемы истории феодальной России».

⁹⁰ Е. И. Заозерская. Восстание Степана Разина (Общий обзор). «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения».

⁹¹ Б. В. Лукин. Степан Разин. Краткий исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1971; А. Н. Сахаров. Степан Разин (хроника XVII в.). М. 1973.

⁹² См. П. А. Колесников. Этапы и формы классовой борьбы северного крестьянства в XVI—XVIII вв. «Из истории борьбы трудящихся Европейского Севера против самодержавия и капитализма, за победу социалистической революции». Вологда, 1972, и др.

мание к «скрытым» формам социального протеста трудовых масс. Накопление подобных наблюдений и выводов поведет в будущем к обобщениям в масштабе страны.

Много новых источников об астраханском восстании начала XVIII в. удалось найти Н. Б. Голиковой⁹³. На их основе она нарисовала в подробностях в своей фундаментальной монографии яркую картину движения народа. По ее мысли, это—последнее крупное городское восстание периода феодализма. Оно оставило позади многие известные движения, потрясавшие города России. На борьбу с налоговым гнетом и притеснениями администрации поднялись стрельцы, солдаты, посадские, торговые крестьяне, работные люди и пр. Восставшие создали органы управления и правопорядка. Автор показывает и незрелость восстания (монархическая идеология, внутренние противоречия в среде повстанцев и т. д.), что и привело его к поражению.

Особенно много было написано за последние годы о Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева. Издан заключительный том коллективного труда по ее истории⁹⁴. В результате обобщения многих конкретных работ в нем впервые с такой полнотой показано широчайшее народное выступление, разлившееся далеко за пределы действий главной армии Пугачева: в Поволжье, на Урале, в Сибири и Казахстане; рассмотрены военная организация повстанцев, роль их центров управления, степень участия в войне различных групп сельского и городского населения и т. п. существенные вопросы. Коллективный труд стимулировал новые изыскания: увидела свет серия исследований, в которых раскрывается ход войны в отдельных районах⁹⁵. Вторым изданием вышла коллективная монография о выдающихся ее предводителях⁹⁶. Увеличилось число научно-популярных изданий. Наконец, всесоюзные конференции, проведенные в Оренбурге, Москве, Уфе, Казани и обсудившие различные аспекты этой крестьянской войны, также положительно сказались на научных изысканиях.

Специалисты единодушны в понимании важных вопросов истории крестьянских войн (прежде всего войны 1773—1775 гг.): оценки уровня классовой борьбы (крестьянские войны были высшей формой выступлений широких народных масс, поднявшихся на открытую борьбу против крепостнической системы); характеристики системы признаков, позволяющих выделять крестьянские войны из других форм классовых выступлений; объяснении роли окраин и казачества и т. д. Однако по ряду вопросов высказаны противоречивые суждения. Некоторые исследователи считают, что крестьянство вело борьбу не против феодализма, а против крепостничества как его «варианта», за возврат к утраченной «старине», за приемлемые условия жизни в рамках данной системы. С этим трудно согласиться. Ведь крепостничество в России было господствующей формой феодальных отношений, имевшей почти двухвековую историю. О какой феодальной «старине» могли помнить помещицы крестьяне многих районов (находившиеся в неволе в течение ряда поколений) и каким образом могли они связывать свою борьбу за землю и волю с этой «старинной»? Вольная жизнь на собственной земле озна-

⁹³ Н. Б. Голикова. Астраханское восстание 1705—1706 гг. М. 1975.

⁹⁴ «Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева». Т. 3. Л. 1970.

⁹⁵ Т. И. Беликов. Участие калмыков в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева (1773—1775). Элиста. 1971; С. Х. Алишев. Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании. Казань. 1973; С. М. Томсинский. Под предводительством Пугачева. Повстанческое движение в Прикамье во время Крестьянской войны 1773—1775 гг. Пермь. 1973; М. Д. Курмачева. Крестьянская война 1773—1775 гг. в Нижегородском крае. Горький. 1975, и др.

⁹⁶ Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панеях. Пугачев и пугачевцы. Л. 1974.

чала для них отсутствие барина-помещика и сокращение или даже полную ликвидацию платежей монарху. Поэтому борьба крестьян против крепостнической системы являлась объективно антифеодальной.

Другой вопрос касается уровня сознательности крестьян, особенности их мышления в периоды открытых классовых битв. Одни историки склонны относить все явления подобного рода к сфере социальной психологии, другие — отвергают такую трактовку, поскольку она снижает уровень осознания крестьянами окружающей действительности. Думается, что неправильно априорно отрицать возможность употребления категории «идеология» применительно к сознанию феодального крестьянства, исходя из того толкования термина, который выработан на материале иных исторических эпох. Идеология — категория историческая, а системность взглядов при феодализме иная, чем в капиталистическом обществе. В то же время только взаимосвязанное изучение и идеологии, и социальной психологии крестьян может дать точное представление об их сознании. Интересный опыт такого рода применительно к весьма специфическому разряду крестьянства (старообрядцы Урало-Сибирского района) предпринят Н. Н. Покровским⁹⁷.

Вызывает споры и положительная оценка объективного значения борьбы крестьян для подрыва феодально-крепостнического строя и смены формаций. Противники такого понимания обычно ссылаются на то, что крепостничество пережило эпоху крестьянских войн, притом каждая из них не расшатывала, а укрепляла этот строй. Однако проблема эта значительно сложнее: ведь одновременно не только развивалось крепостничество, но и росли силы, ему противоборствующие, в перспективе ведущие его к гибели. К этим силам следует отнести и крестьянские войны. К сожалению, эта тема в целом разработана еще слабо.

IV

Исследования социально-политической проблематики группируются вокруг двух узловых вопросов: образование и развитие Русского централизованного государства в форме сословно-представительной монархии и генезис и развитие российского абсолютизма. Время феодальной раздробленности представлено только рядом статей по отдельным (хотя и существенным) сюжетам социально-политической структуры Новгородской феодальной республики, княжеств и уделов Северо-Восточной Руси XIV—XV веков⁹⁸.

Известные разногласия у специалистов вызывает употребление термина «централизация» применительно к России конца XV—XVI веков⁹⁹. Речь идет о том, какое понятие («централизованное» или «единое») точнее отражает существо происходивших изменений (по сравнению с эпохой феодальной раздробленности). В теоретическом плане существенно подчеркнуть два момента. Во-первых, К. Маркс и Ф. Энгельс говорили о централизации феодальных монархий в передовых европейских странах, противопоставляя раздробленность времен раннего средневековья первым шагам в генезисе абсолютизма. Во-вторых, «централиза-

⁹⁷ Н. Н. Покровский и. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск. 1974.

⁹⁸ В. Л. Янин. Проблемы социальной организации Новгородской республики. «Россия и Италия». Материалы IV конференции советских и итальянских историков. Рим. 1969. М. 1972; его же. Возможности археологии в изучении Древнего Новгорода. «Вестник» АН СССР, 1973, № 8, и др.; см. также статьи В. А. Кучкина («Гюльша и Русь»; «Исторические записки». Т. 94) и В. Д. Назарова («Историческая география России. XII — начало XX в.»).

⁹⁹ См. например, А. А. Зимин. В. И. Ленин о «московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI века. «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма».

ция» — категория историческая и наивысшего уровня достигает при абсолютной монархии, а более низкая ее ступень была присуща монархии сословно-представительной.

Термин «Русское единое государство» отнюдь не покрывает тех существенных перемен, которые произошли в конце XV — середине XVI веков. Дело не только в смене политически расчлененной системы самостоятельных и полусамостоятельных государств-княжений Северо-Восточной Руси политически объединенным государством. Иерархически-вассальная лестница светских феодалов сменяется теперь более однородным делением на аристократическую (верхущенную) часть и рядовую массу детей боярских. Каждая из них, в свою очередь, постепенно институализируется: с одной стороны, формируется «государев двор», с другой — совокупность уездных дворянских корпораций. Принципиально меняется характер отношений феодалов с великим князем: вассалитет превращается в подданство. Наконец, если в период феодальной раздробленности господствующий класс *in concreto* осуществлял административно-управленческие и судебные прерогативы (то есть не было четкого отделения социальной организации класса феодалов от государственно-политической системы), то теперь выделяется особый социальный слой, специализирующийся на выполнении государственных функций. Представляется, что определение «Русское централизованное государство» точнее передает существо смены политических форм.

Весьма перспективно сравнительно-типологическое изучение Русского централизованного государства. Намечены основные направления такого анализа, особенности его методики¹⁰⁰.

Первое в советской историографии систематическое исследование времени правления Василия III выполнено А. А. Зиминим. Автор рисует широко полотно политической борьбы в тесной связи с развитием общественной мысли, столкновением ее различных течений¹⁰¹. С. О. Шмидт обратился к проблематике становления земских соборов в сопоставлении с эволюцией государственно-политического строя XVI в. в целом. Существенно выявленное им воздействие московского восстания 1547 г. (а также других городских движений) на проводимые позднее реформы¹⁰². Политическая борьба в последние годы правления Ивана Грозного освещена в монографии Р. Г. Скрынникова¹⁰³. В очередном томе научного наследия М. Н. Тихомирова¹⁰⁴ собран цикл его работ (в большинстве опубликованных ранее) по социальной и политической истории России XV—XVII веков.

В изучении социально-политической проблематики XVI в. наблюдалась некоторая диспропорция. Остаются в тени социальные основы и предпосылки политической борьбы. Не выяснено, какие противоречия внутри класса феодалов были определяющими для характера и особенностей их столкновений, какие группы и во имя чего вступали на арену открытой борьбы. Правда, в последнее время усилился интерес к истории складывания и развития «государева двора» на протяжении конца XV—XVI вв., его структуры, а также форм организации провинциального дворянства.

Недостаточная изученность политической истории страны в XVII в.¹⁰⁵

¹⁰⁰ L. V. Cherepnin, V. T. Pashuto. The Formation of the Russian Centralized State. Viewed from a Comparative-Historical Aspect (XVI-XVII Centuries). «XIV International Congress of Historical Sciences». San Francisco. 1975.

¹⁰¹ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М. 1972.

¹⁰² С. О. Шмидт. Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного). М. 1973.

¹⁰³ Р. Г. Скрынников. Россия после опричнины. Л. 1975.

¹⁰⁴ М. Н. Тихомиров. Российское государство XV—XVII вв. М. 1973.

¹⁰⁵ Ей посвящены статьи М. Я. Волкова, Н. Ф. Демидовой, А. А. Преображенского и других.

ясно обнаружилась в ходе дискуссии о русском абсолютизме, проводившейся на страницах журнала «История СССР» в 1968—1971 годах. Все ее участники были согласны с тем, что переход от сословно-представительной монархии к абсолютной падает на XVII—XVIII века. Сошлись взгляды и на характер ряда атрибутов абсолютной монархии (высокая степень государственной централизации, наличие развитой бюрократии, регулярной армии, укрепление государственного бюджета, подчинение церкви государству).

Наибольшие разногласия вызвали два вопроса: о социально-экономических основах и о роли классовой борьбы в возникновении абсолютизма. Было высказано мнение, что абсолютистское государство в России явилось в значительной мере продуктом заимствования из более передовых европейских стран, приспособленным к крепостнической русской действительности. Безусловно, формировавшаяся и развивавшаяся система (составной частью которой была и Россия) европейских государств оказывала прямое и косвенное давление на нашу страну. Но роль внешнего фактора не следует преувеличивать. Он мог содействовать формированию абсолютизма в России лишь при наличии определенных социально-экономических предпосылок, значение которых было определяющим. Задача дальнейшего исследования — оценить теоретически и раскрыть на конкретном материале характер внутренних социально-экономических условий, выяснить реальное воздействие внешнего фактора на процесс становления абсолютизма. Здесь, как и при разработке других проблем, несомненную пользу принесет творческое привлечение в сравнительно-исторических целях трудов наших коллег из социалистических стран (И. Бертенъи, Ж. Паха, Ш. Штефанеску и др.).

Некоторые историки, говоря о классовой борьбе, полагают, что нарастание ее открытых форм в XVII—XVIII вв. и складывание абсолютистской монархии — явления синхронные, но не взаимообусловленные. Между тем В. И. Ленин писал, что «классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований»¹⁰⁶. Еще не всегда в конкретных исследованиях детально изучается влияние классовой борьбы на характер изменений в политической сфере, далеко не полно учитывается диалектичность этого влияния. Но нет оснований его затушевывать, тем более что уже известно немало фактов прямого воздействия народных движений на проведение реформ Алексеем Михайловичем, Федором Алексеевичем, Петром I, Екатериной II. Решительный отпор встретило утверждение А. Я. Авреха о крестьянстве как социальной опоре абсолютизма.

Одним из позитивных итогов дискуссии (помимо преодоления ошибочных взглядов) было четкое определение «узких мест» и начало научного поиска в этих направлениях. Тому пример — содержательная монография С. М. Троицкого о складывании и развитии бюрократии в России¹⁰⁷. Анализируя законодательство Петра I в сфере оформления бюрократической системы и последующую его эволюцию в 20-е—60-е годы XVIII в., автор особое внимание обратил на происхождение, состав, экономическое положение и социальный статус различных разрядов чиновничьей бюрократии. Менее интересна книга Л. А. Стешенко и К. А. Софроненко, в которой освещаются реформы Петра I и государственный строй той эпохи¹⁰⁸. В серии «Жизнь замечательных людей» вышла в

¹⁰⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 333—334.

¹⁰⁷ С. М. Троицкий. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (формирование бюрократии). М. 1974.

¹⁰⁸ Л. А. Стешенко, К. А. Софроненко. Государственный строй России в первой четверти XVIII в. М. 1973.

свет книга Н. И. Павленко, содержащая очерк жизни и деятельности Петра I и его характеристику как правителя и человека¹⁰⁹.

Социально-политическая история России XVIII в. нашла сравнительно широкое отражение в коллективных трудах и тематических сборниках статей. Особо нужно отметить коллективный труд о России в эпоху реформ Петра I¹¹⁰.

Значительное место в исследованиях отводилось истории внешней политики России XIV—XVIII вв., в первую очередь переломным моментам в развитии международных отношений. Так, в монографии И. Б. Грекова рассматривается сложное переплетение русско-золотордынских и русско-литовских отношений на рубеже XIV и XV вв. под углом зрения главной внешнеполитической задачи русских княжеств — освобождения от монголо-татарского ига. Русско-ливонские и русско-ганзейские контакты конца XIV — начала XVI в. подробно проанализированы Н. А. Казаковой. Автор приходит к важному выводу, что только завершение образования Русского централизованного государства создало необходимые условия для более успешной реализации национальных потребностей в сфере экономических и политических связей с рядом европейских государств¹¹¹. Западное направление внешней политики было главным во второй половине XVI века. Борьба за выход к Балтийскому морю, за равноправные торговые связи с европейскими государствами — вот центральное звено международных акций русской дипломатии в конце XVI — начале XVII века. Потерпев поражение в Ливонской войне (где России противостояли сильнейшие в военном плане государства Восточной и Северной Европы), русское правительство стремилось добиться достижения тех же задач (хотя и в более ограниченном объеме) в основном дипломатическими средствами. Эти сюжеты разобраны в книге Б. Н. Флоры¹¹², которая дает и богатый фактический материал для суждений о том месте, которое объективно занимало Русское государство в системе международных отношений Восточной Европы.

В теоретическом плане последняя проблема поставлена Б. Ф. Поршневым. К сожалению, его работа, посвященная роли России в Тридцатилетней войне, пока не издана полностью. В опубликованной же книге автор, дав социологический анализ системы международных отношений в Европе (и отдельных ее регионах) в середине XVII в., определяет в общем плане объективно весьма значительную роль нашей страны на европейской арене¹¹³. Очень важен еще один аспект, разработанный Б. Ф. Поршневым. Речь идет о том влиянии, которое оказывали классовые и национально-освободительные движения на изменение международной ситуации. Применительно к истории России это рассмотрено автором на примере крестьянско-казацкого восстания под предводительством И. Балаша и национально-освободительной войны украинского народа под руководством Б. Хмельницкого. Близкие сюжеты стали предметом исследований А. Н. Мальцева и А. П. Игнатенко. В посмертно изданной монографии А. Н. Мальцева освещение конкретного хода русско-польской войны 1654—1667 гг. сопровождается анализом классовых движений того времени. В книге А. П. Игнатенко хорошо прослежена связь национально-освободительного движения белорусского народа с

¹⁰⁹ Н. И. Павленко. Петр Первый. М. 1975.

¹¹⁰ «Россия в период реформ Петра I». М. 1973.

¹¹¹ И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М. 1975; Н. А. Казакова. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV—начало XVI в. Л. 1975.

¹¹² Б. Н. Флоря. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М. 1973.

¹¹³ Б. Ф. Поршнев. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М. 1970.

его классовыми выступлениями¹¹⁴. Изучение международного аспекта классовых выступлений XVII в. вообще стало более многосторонним. Установлен тот факт, что дипломатические акции играли немаловажную роль в общей политической деятельности повстанческого руководства в ходе крестьянских войн XVII—XVIII веков.

Значительной вехой в дипломатической истории России было время правления Петра I, когда закрепились ведущая роль страны в концерте сильнейших государств Европы. В монографии Г. А. Некрасова детально изучены международные позиции России во второй четверти XVIII в., показана успешная борьба против попыток ее изоляции¹¹⁵. Важной, но более узкой проблеме (русско-турецким отношениям начала XVIII в.) посвящена книга С. Ф. Орешковой. Общий очерк Северной войны дан в работе В. Е. Шутога¹¹⁶. Более скупое (и по числу работ, и по их тематике) изучена русская дипломатия второй половины XVIII века. Наиболее подробно здесь исследовались сюжеты о дипломатических действиях русского правительства в связи с Французской буржуазной революцией. В этом плане интересна монография К. Е. Джеджулы¹¹⁷. Хотя многие важные вопросы истории внешней политики России XIV—XVIII вв. не разработаны пока монографически, шло успешное накопление необходимых для этого фактов. Весьма значительно число локальных исследований, опубликованных в ряде продолжающихся изданий («Скандинавский сборник», тт. XV—XX) и тематических сборниках¹¹⁸.

V

Широким фронтом шло изучение истории народов СССР в эпоху феодализма, хотя и наблюдалась известная неравномерность в исследованиях (и тематическая, и хронологическая). Это направление научных поисков актуально в ряде отношений. Во-первых, прошлое народов, входящих ныне в единую братскую семью национальностей СССР, дает богатейший материал для сравнительно-типологического изучения феодального общества на разных этапах его развития. Особое значение здесь, конечно, приобретают обобщающие труды по истории отдельных народов, по узловым проблемам феодального строя¹¹⁹. Во-вторых, именно в ту далекую эпоху закладывались первые камни в прочный фундамент тесных уз народов нашей Родины. В совместной классовой борьбе (наиболее ярко проявлявшейся во время крестьянских войн), в борьбе против иноземных захватчиков и национального гнета лежат истоки солидарных действий на более поздних этапах исторического процесса. Эта тема нашла достойное место в работах многих историков¹²⁰. Нако-

¹¹⁴ А. Н. Мальцев. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М. 1974; А. П. Игнатенко. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII—XVIII вв.). Минск. 1974.

¹¹⁵ Г. А. Некрасов. Роль России в европейской международной политике в 1725—1739 гг. М. 1976.

¹¹⁶ С. Ф. Орешкова. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М. 1971; В. Е. Шутога. Северная война (1700—1721). М. 1970.

¹¹⁷ К. Е. Джеджула. Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев. 1972.

¹¹⁸ «Франко-русские экономические связи». М.—Париж. 1970; «Исследования по славяно-германским отношениям». М. 1971; «Балканский исторический сборник». Кишинев. 1973, № 3; «Международные отношения на Балканах». М. 1974; «Карпато-дунайские земли в средние века». Кишинев. 1975, и др.

¹¹⁹ «История Латвийской ССР». Рига. 1971; Е. И. Крупнов. Средневековая Ингушетия. М. 1971; Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М. 1972; П. Г. Советов. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. 1. Очерки истории землевладения в XV—XVIII вв. Кишинев. 1972; «История Белорусской ССР». Тт. 1—2. Минск. 1972—1973 (на белорус. яз.), и др.

¹²⁰ Ц. П. Агаян. Вековая дружба народов Закавказья. Ч. I. Ереван. 1970; В. М. Мартиросян. Сотрудничество армянского и грузинского народов в освободительной борьбе (20-е годы XVIII в.). Ереван. 1971; «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов». Вып. 3. Ереван. 1971, и др.

нец, успешно разрабатывается вопрос об объективных закономерностях вхождения отдельных народов в состав Российского государства. Советские историки в противовес измышлениям буржуазных и националистических идеологов объективно обрисовывают предпосылки, характер и последствия этого процесса. Хорошо показана классовая суть действий русского правительства, интересов господствующего класса. В то же время детально прослежены прогрессивные последствия присоединения тех или иных районов к России, как в плане экономического, так и политического развития ¹²¹.

Строго научный подход к изучению национального вопроса содействует патриотическому и интернациональному воспитанию. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев специально отметил, что «изживаются отдельные проявления национализма и шовинизма, факты неклассового подхода к оценке исторических событий, проявления местничества, попытки воспевать патриархальщину» ¹²².

Подведем некоторые итоги. Серьезные успехи, которых достигла отечественная медиевистика, вполне очевидны. Существенно расширился объем конкретных знаний по многим важнейшим сторонам исторического процесса в нашей стране. Весьма характерно постоянное совершенствование методики исследования разнообразных источников. Благодаря ему стали возможными ответы на многие вопросы, считавшиеся ранее практически неразрешимыми. Углубилась теоретическая разработка наиболее важных, узловых проблем истории феодальной формации в России. Значительно возрос интерес к типологизации, широкому использованию сравнительно-исторического метода. Предстоящие региональные исследования обещают дальнейшее его совершенствование. Крепнут творческие связи с историками братских стран социализма. Наконец, был успешно преодолен ряд ошибочных представлений теоретического характера, а прошедшие дискуссии и обсуждения (в целом плодотворные) четко обрисовали актуальные направления научного поиска, определили перспективную методику изучения слабо разработанных тем.

Развитие социалистического общества в нашей стране рождает новые неотложные вопросы, в решении которых обществоведы призваны помогать Коммунистической партии. Широкий спектр таких важнейших задач был исчерпывающе определен XXV съездом КПСС. В Отчетном докладе ЦК КПСС подчеркивается, что «новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных» ¹²³. В нем отмечается, что «задачи, стоящие перед нашей общественной наукой, могут быть решены лишь при условии самой тесной ее связи с жизнью» ¹²⁴. Достойное участие в их выполнении примут и специалисты по отечественной медиевистике. Достигнутые ими за прошедшее пятилетие рубежи — надежный залог успешного осуществления плана научных работ десятой пятилетки в этой сфере исторической науки.

¹²¹ См., например, Г. Г. П а й ч а д з е. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси. 1970; М. М. Б л и е в. Русско-осетинские отношения. 40-е годы XVIII в.—30-е годы XIX в. Орджоникидзе. 1970; Ч. Э. К а р д а н о в. Из истории сношений между адыгейскими народами и Россией в XVI в. Нальчик. 1972; Р. К. К о с б е р г е н о в. Присоединение Каракалпакии к России. Нукус. 1972, и др.

¹²² Л. И. Б р е ж н е в. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М. 1976, стр. 93.

¹²³ Там же, стр. 89.

¹²⁴ Там же, стр. 90.